



ГЕММОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СВЕТЕ ПОДХОДА “WÖRTER UND SACHEN”: К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РУССКОГО ОРЛЕЦ ‘РОДОНИТ’

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет
51 пр. Ленина, Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

Аннотация: В статье воссоздается история слова *орлец* — одно из названий родонита (закреплено преимущественно на Среднем Урале). Автор прослеживает изменения семантики этого слова с его первых упоминаний в российской лексикографии в конце XVIII в. до сегодняшнего дня, когда оно получило статус устаревшего, и, в частности, показывает, что значение ‘родонит’ закрепилось за ним только к концу XIX в. Автор разбирает популярную версию о происхождении названия *орлец* — миф о том, что орлы уносят этот камень в свои гнезда. Производящей основой для обсуждаемого названия, как доказывает автор, действительно служит слово *орел*, однако мотивация раскрывается только с опорой на широкий культурно-языковой контекст. Для ее реконструкции привлекаются как языковые семантико-мотивационные параллели, так и внеязыковые факты из области фольклора и народных верований, подтверждающие устойчивость символической связи «орел — камень». Важно и то, что камни связываются в различных языках также с образами других птиц (ср. рус. *ласточкин камень*, нем. *Storchstein* «каистинный камень» etc.). Для доказательства вхождения *орлеца* в ряд оторнитонимных названий камней возможные перечисленные в работе признаки, по которым камни получили «птичьих» названия, накладываются автором на свойства того камня, который изначально, предположительно, носил имя *орлец*.

Ключевые слова: русская лексика, геммонимия, этнолингвистика, семантико-мотивационная реконструкция, этимология, историческая лексикология.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

Для ссылок: Березович Е. Геммонимическая лексика в свете подхода “Wörter und Sachen”: к происхождению русского орлец ‘родонит’ // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 115–143.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-115-143

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/berezovich.pdf>

GEMSTONE NAMES FROM THE WÖRTER UND SACHEN PERSPECTIVE: ON THE ORIGIN OF RUSSIAN ORLETS ‘RHODONITE’

Elena Berezovich

Ural Federal University
51 Lenin av., Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

Abstract: The article considers the history of the word *orlets*, one of the names of rhodonite (located mainly in the Middle Urals). The author traces the changes in the semantics of this word from its first mention in Russian lexicography at the end of the 18th century to the present day, when it gained the status of obsolescence. Specifically, the author demonstrates that the meaning of ‘rhodonite’ was assigned to it only by the end of the 19th century. The paper presents and comments on the existing hypotheses of the origin of the name *orlets*: the widespread but scientifically untenable myth that eagles carry this stone to their nests; the idea that rhodonite is the preeminent stone (as the eagle is considered “the king of birds”) because of its beauty and value, and others. As the author demonstrates, the word *orel* — ‘eagle’ — is the actual generating stem for the name under discussion, but the motivation is revealed only based on a wide cultural and linguistic context. For its reconstruction, both linguistic semantic and motivational parallels — as well as extra-linguistic facts from the field of folklore and folk beliefs — are involved, confirming the stability of the symbolic links between “eagle” and “stone.” It is also important that stones, in this language, are additionally associated with images of other birds (cf., for example, the Russian *lastochkin kamen’* “swallow stone”, the German *Storchstein* “stork stone”): the evidence presented in the article shows that these links can claim the status of a cultural universal. To demonstrate the occurrence of *orlets* in a number of names of stones derived from names of birds, the author superimposes the possible signs listed in the work, for which the stones received “bird” names, onto the properties of the stone that was originally presumably named *orlets*. The article contains extensive background information of a cultural and historical nature, as well as rich data from the field of Geology and Mineralogy, which are necessary for the verification of linguistic constructions.

Keywords: Russian vocabulary, gemstone names, ethnoлингвистика, semantic and motivational reconstruction, etymology, historical lexicography.



Acknowledgements: The research is part of the project “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Research” funded by the Ministry of Education and Science of Russia (project number FEUZ-2020-0056).

To cite: Berezovich E., ‘Gemmonimicheskaya leksika v svete podkhoda “Wörter und Sachen”’: k proiskhozhdeniyu ruskogo orleta ‘rodonit’ [Gemstone Names from the Wörter und Sachen Perspective: On the Origin of Russian Orlets ‘Rhodonite’], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 115–143.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-115-143

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/berezovich.pdf>

Елена Березович

Геммонимическая лексика в свете подхода “Wörter und Sachen”: к происхождению русского орлец ‘родонит’

В статье воссоздается история слова *орлец* — одно из названий родонита (закреплено преимущественно на Среднем Урале). Автор прослеживает изменения семантики этого слова с его первых упоминаний в российской лексикографии в конце XVIII в. до сегодняшнего дня, когда оно получило статус устаревшего, и, в частности, показывает, что значение ‘родонит’ закрепилось за ним только к концу XIX в. Автор разбирает популярную версию о происхождении названия *орлец* — миф о том, что орлы уносят этот камень в свои гнезда. Производящей основой для обсуждаемого названия, как доказывает автор, действительно служит слово *орел*, однако мотивация раскрывается только с опорой на широкий культурно-языковой контекст. Для ее реконструкции привлекаются как языковые семантико-мотивационные параллели, так и внеязыковые факты из области фольклора и народных верований, подтверждающие устойчивость символической связи «орел ↔ камень». Важно и то, что камни связываются в различных языках также с образами других птиц (ср. рус. *ласточкин камень*, нем. *Storchstein* «аистинный камень» etc.). Для доказательства вхождения *орлеца* в ряд оторнитонимных названий камней возможные перечисленные в работе признаки, по которым камни получили «птичьи» названия, накладываются автором на свойства того камня, который изначально, предположительно, носил имя *орлец*.

Ключевые слова: русская лексика, геммонимия, этнолингвистика, семантико-мотивационная реконструкция, этимология, историческая лексикология.

На моем столе лежит жизнерадостный розовый с черными ниточками камень орлец, похожий на слоеный торт, в слоях которого застыли все этапы вулканически непростого превращения древнейшего моря в Уральские горы. Он почти непрозрачен, лишь немного просвечивает к краям, но интенсивность цвета такова, что создается иллюзия свечения. Этот торт состоит из вишни, малины, коралла, заката и рассвета, а от гор — черные прожилки в этой малине. Академик А.Е. Ферсман, один из крупнейших в мире исследователей минералов, особо выделял его при описании самоцветных богатств России и Урала, называя «замечательным алым камнем, недостаточно оцененным нашим декоративным и оградочным искусством» [Ферсман 2014: 71]. Думается, Ферсман, писавший эти строки в 1930-е гг., имел в виду спад добычи орлеца после 1917 г. А до революции камень этот прославился благодаря целому ряду великолепных произведений искусства: канделябры-торшеры в виде обелисков из орлеца в Эрмитаже, знаменитая овальная чаша, которая была впервые выставлена на Всероссийской выставке в Санкт-Петербурге в 1870 г., саркофаг

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

императрицы Марии Александровны весом в 7 тонн, на который понадобилась глыба в 46 тонн, невероятной красоты ваза, оцененная в 150 тыс. руб. и показанная на Венской всемирной выставке в 1873 г., резные конструкции алтарной преграды петербургского храма Спаса на Крови, многие изделия Фаберже, для которого это был второй по значимости поделочный камень, и др.¹ Позднее в советское время орлец во многом вернул себе первые позиции среди поделочных камней, о чем свидетельствуют хотя бы «чудная розовая кайма из уральского орлеца на колоннах станции метро “Маяковская”» [Ферсман 2014: 72], памятник на могиле Анри Барбюса на кладбище Пер-Лашез, известная брошь «Зори здесь тихие» из так называемого «траурного» родонита [Таланцев 2000: 120] и др. И в наши дни он занимает видное место среди российских (и мировых) поделочных камней.

Но в музеях, на выставках и в ювелирных магазинах слово *орлец* сейчас практически не встречается, что вызывает у любителей камня старшего поколения ностальгическое сожаление: «Ныне выразительное, исконно уральское название *орлец*, хотя и дожило до наших дней, применяется в обиходе очень редко, а жаль...» [Авдониин 2019: 81]. Вместо него употребляется основное номенклатурное название — *родонит* (*rhodonite*), которое было введено в международную практику минералогом Х. Яше в 1819 г. [Минералогическая энциклопедия 1985: 446]. Это минерал, силикат марганца, который встречается в виде плотных мелкозернистых масс и имеет розовый, ярко-розовый, малиновый, красно-бурый цвет, при этом в родонитовой породе часто представлены черные дендриты и прожилки гидроксидов и оксидов марганца [Куликов, Буканов 1989: 76]. Термин произведен от греч. *ρόδος* ‘роза’; в основу номинации положен ярчайший признак камня — уникальный насыщенный цвет².

Подобные цвета камней редко встречаются в русской природе [Ферсман 2014: 69], поэтому родонит неизменно привлекает к себе внимание, а признак цвета для него наиболее релевантен в номинативном плане. Как указывает А.Е. Ферсман, камень, «по-видимому, еще в Древней Руси назывался *баканом*» [Ферсман 2014: 71]. В [СлРЯ XI–XVII, 1: 67] слово *баканъ* (*боканъ*) определяется как ‘драгоценный камень’ (без указания на конкретный вид) и дается контекст: «Камень боканъ, а выбирает<и> с примѣтом, как соболь доброи» (XVI в.). В [Куликов, Буканов

¹ О менее известных, но не менее замечательных изделиях (вазах, подававшихся как дипломатические подарки) см., например: [Будрина 2017: 15].

² Признак «цвет розы» реализуется, к примеру, также в названии родственного родониту родохрита, который в международной геммологии известен также как *rosa rose* («роза инков») [Геологический словарь 1955, 2: 172].

1989: 21] *бакан* подается как 'древнерусское название орлеца' и как 'алмаз с сероватым оттенком'. Идентифицировать реалию в рамках нашей работы не представляется возможным, главное для нас в том, что в основе названия тоже признак цвета, ср. *баканъ (боканъ)* 'название краски': «Дорогия краски баканъ виницьбиской, и яр<ь> виницьбйская» (XVII в.) [СлРЯ XI–XVII, 1: 67], 'красная лаковая краска': «С киноварью смѣшанный бакан, составляет пунцовой цвѣт» [СлРЯ XVIII, 1: 129], которое обьясняется из тур. *bak(k)at* 'красильное дерево' < араб. *baqqat* [Аникин, 2: 97].

Историческая семантика слова *орлец*

Вернемся к названию *орлец*, которому и посвящена статья. Как уже говорилось, в настоящее время это слово можно считать устаревшим. Издаваемый в наши дни «Большой академический словарь» в томе, вышедшем в 2010 г., трактует *орлец* как 'старинное русское название родонита, минерала темно-розового или красного цвета': «Карта исполнена из отечественных самоцветов — лазурита, орлеца, изумрудов, опалов, рубинов, аквамаринов, различных яшм и пр.» <А. Воронихина и Т. Соколова. Эрмитаж> [БАС₂, 14: 117–118] (здесь и далее разрядка наша. — Е.Б.). Однако первое издание словаря (в томе, появившемся в 1959 г.) дает слово как вполне «современное» и без каких-либо специализирующих помет (хотя с несколько иной дефиницией, более широкой, чем 'родонит', и в минералогическом смысле размытой): *орлец* 'камень темно-розового или красного цвета; красный кварц': «Мне показали, как в полутемных бараках полируют уже пятый год какую-то грандиозную вазу из драгоценного красного орлеца» <А. Игнатъев. 50 лет в строю>, «В потемках не разберешь, какого цвету камень, а по гладкой шлифовке — орлец» <П. Бажов. Орлиное перо> [БАС, 8: 1032]. Такое же определение, но с пометой «металлургическое», дает словарь Д.Н. Ушакова, соответствующий том которого вышел в 1938 г. [Ушаков, 2: 851].

О популярности слова в советское время говорит тот факт, что оно попало в англоязычный «Геммологический словарь» П. Рида, собравший номенклатуру, которая имеет международную известность: *орлец (orletz)* 'название родонита в СССР' [Рид 1986: 143]¹.

¹ Судя по контекстам в [НКРЯ], слово употреблялось в основном в минералогической (в том числе научно-популярной) литературе; в художественной встречалось реже, и не только у П.П. Бажова (что наиболее ожидаемо), ср.: «Две свиньи с человеческими лицами из розового орлеца на подставке из бархатно-зеленого оникса — император Австро-Венгрии Франц Иосиф и султан турецкий Абдул Гамид — везли телегу с вороном из черного шерла, в немецкой каске с острой пикой» <И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963)>.

При этом социолингвистический статус слова *орлец* в XX в. неоднозначен. Как отмечается в «Словаре камней-самоцветов» (первое издание которого появилось в 1982 г.), это «местное уральское название, происхождение неизвестно» [Куликов, Буканов 1989: 70]. Из этого следует вывод, что слово *орлец* должны включать диалектные словари, но они этого не делают, опираясь, очевидно, на факт наличия его в словарях литературного языка в советское время. Привязка *орлеца* к Уралу явно объясняется тем, что «месторождения высококачественного родонита встречаются редко и, видимо, лучшее из них находится на Среднем Урале» [Куликов, Буканов 1989: 76]. Речь идет в первую очередь о Малоседельниковском месторождении, которое находится у деревни Малое Седельниково в Сысертском районе Свердловской области. Это самое крупное месторождение, отсюда поставлялись наиболее качественные экземпляры камней, и именно с малоседельниковскими образцами связывается первая минералогическая идентификация орлеца, осуществленная В.М. Севергиным¹. Ср.: «Малоседельниковское месторождение больше 150 лет было единственным в России разрабатываемым месторождением поделочного родонита. История уральского орлеца — это во многом его история» [Брусницын 2000: 9].

В примечании к всемирно известной минералогической книге Д. Смита «Драгоценные камни» редактор русского перевода доктор геол.-мин. наук В.П. Петров дает квалифицированное описание специфики уральского варианта родонита, позволяющее понять, почему возникла потребность в лингвистическом выделении этого камня. Дело в том, что особые условия залегания породы («в низах коры выветривания») создают неповторимый и уникальный узор камня [Смит 1984: 469]².

¹ Вот что пишет о самых известных в XIX в. месторождениях орлеца М.И. Пыляев, особо выделяющий уральский камень: «Встречается <орлец> в Пайсберге в Швеции, около Эльбингеродэ на Гарце и в Тироле, но самого лучшего качества и притом в наибольшем количестве добывается близ деревни Малой Седельниковой, именно по правую сторону речки Арамильки (правого притока реки Исети), в 23 или в 24 верстах к ССО от Екатеринбурга и в 3 верстах от деревни Большой Седельниковой, где орлец образует полую падающую жилу с лишком в 4 аршина толщиною, которая залегает в толщах глинистого сланца. Несколько лет тому назад совершенно в другой стороне екатеринбургского округа открыто новое месторождение орлеца превосходного качества, именно по левую сторону речки Пушкарехи (правого притока реки Пышмы) в 46 верстах от Екатеринбурга» [Пыляев 2008: 152].

² См. специальные разъяснения Петрова: «Уральский орлец, называемый также родонитом, представляет собой метаморфизированный пласт силикатных марганцевых руд, тектонически разбитый на отдельные очень небольшие тела, залегающие среди других кристаллических сланцев. Кроме собственно родонита, в состав породы входит родохрозит (ярко-розовый), спессартин (марганцевый гранат, желтовато-бурый, светлый) и бустамит (марганцевый силикат, близкий к родониту, бурый, волокнистый). Месторождение находится в низах коры выветривания, и по трещинам марганцевые минералы переходят в черные и темно-бурые окислы марганца. Все эти цветовые различия придают неповторимую прелесть уральскому орлецу, и этим он выгодно отличается от

Очевидно, подача *орлеца* в советской лексикографии как слова, не имеющего локальной привязки, наследует традиции В.И. Даля [Даль, 2: 691], который, впрочем, дает слову непривычную для нас и очень широкую дефиницию: *орлец* 'ископаемое роговик, роговой камень; красный кварц; кремнекислая закись марганца, густого розового цвета; есть и белый *орлец*' [Даль, 2: 691], при этом территориальных и иных помет нет. Не говорит об ограниченной зоне бытования слова и М.И. Пыляев, автор книги «Драгоценные камни...», вышедшей в 1877 г. Пыляев был не профессиональным минералогом, а литератором. Его книга, ставшая в свое время, как сейчас бы сказали, бестселлером, оказала большое влияние на всю последующую минералогическую литературу, в первую очередь популярную. Он дает гораздо более узкое определение, чем Даль, стараясь отразить логику не столько бытового употребления слова, сколько научного: *орлец*, или *родонит*, 'рубиновый шпат'¹, Rhodonite, Mangankiesel' [Пыляев 2008: 152]².

На закрепление за словом *орлец* значения 'родонит' повлияло и то обстоятельство, что в 1870-е гг., когда Пыляев писал свою книгу, появились известнейшие изделия из русского родонита (в том числе те, что были перечислены в начале статьи), представленные на крупнейших российских и международных выставках. Разумеется, делались и «мелочи». В любом случае поделочный *орлец* приобрел в эти годы наибольшую популярность и был на слуху, поэтому неслучайно Пыляев «привязал» соответствующее слово не к *роговику*, чья ценность в целом не столь высока (о нем ниже), а только к *родониту*³.

Но продолжим «спускаться» по хронологической лестнице, пытаюсь проследить историю слова *орлец*, которая, думается, поможет решить вопрос о его происхождении. Иначе, чем в последней четверти XIX в. (у Пыляева), трактуется *орлец* в середине века — в 1847 г. Слову приписываются два минералогиче-

родонитов других месторождений, которые хотя и обладают красивым розовым цветом, но гораздо менее живым и разнообразным. Каждое изделие из *орлеца* совершенно неповторимо и имеет свой особый узор» [Смит 1984: 469].

- ¹ Что касается *рубинового шпата*, то идентификация *орлеца* как шпата неточна. Она связана с тем, что *шпатам* называли многие виды камней, «лишь бы колелся камень по ровным плоскостям (*полевой шпат*, *плавиковый шпат*, *исландский шпат* и пр.); в данном случае, видимо, по черным трещинам» (устное сообщение В.А. Волосатова).
- ² При этом Пыляев основывался, по всей видимости, на специальном исследовании Г. Розе, автора книги «Минералогическо-геогностическое путешествие по Уралу, Алтаю и Каспийскому морю» (опубликована в Берлине в 1837 г.), где уральский *орлец* впервые назван *родонитом* (см. об этом: [Брусницын 2000: 11]).
- ³ Сказанным объясняется и то, что в разные источники, в том числе в авторитетный «Геологический словарь», вышедший в середине XX в., попадает трактовка *орлеца*, подчеркивающая его роль как поделочного камня ('родонитовая порода красного цвета, идущая для поделок' [Геологический словарь 1955, 2: 101]).

ческих значения: ‘*Corneus spatosus*, роговой камень’, ‘в Сибири: кремнекислая закись марганца, розового или белого цвета с черными дендритами’ (1847) [СЦСРЯ 1847, 2: 77–78]. Именно эта трактовка в дальнейшем поддержана Далем. Важно еще отметить, что к *Сибири* здесь может относиться и *Урал*.

На четверть века раньше, в «Словаре Академии Российской» (1822), «сибирское» значение не фиксируется, а орлец подается только как ‘*Corneus spatosus*, роговой камень’ [САР, 4: 376], при этом *роговой камень* — ‘камень, состоящий из весьма мелких частиц; он ломается неопределенною фигурою, цветом бывает или черной и на копыто или рог похожей, которой иногда скоблить можно’: *блестящей, плотной, зернистой роговой камень* [САР, 4: 1052]. Та же картина наблюдается в 1807 г., когда основатель русской минералогии и петрографии академик Императорской академии наук В.М. Севергин публикует свой «Подробный минералогический словарь», в котором дает позицию *орлец*, но отсылает с этой позиции читателя к статье *роговой камень* [Севергин 1807, 2: 201, 281–284]¹. Как считается в минералогической литературе, именно В.М. Севергину принадлежит «авторство» в определении минералогической сущности *орлеца* и установлении его родства (или тождества) с тем минералом, который в будущем (в 1819 г.) будет назван *родонитом*. Это было сделано Севергиным в 1798 г. [Кобяшев, Никандров 2007: 130]. Очевидно, при указании даты — 1798 г. — минералоги опираются на вышедшую в том году книгу В.М. Севергина «Первые основания минералогии», в которой он характеризует *орлец* как *роговой камень*, описывает разные по цвету варианты этого камня, но особо выделяет *алый орлец*, «прекрасную политуру принимающий, просвечивающий, с черными марганцевыми дендритами» [Севергин 1798, 1: 386]².

При этом само слово *орлец* в минералогическом значении фиксировалось в памятниках XVIII в. и до 1798 г. Авторы [СЛРЯ XVIII, 17: 78] не рискуют точно определить это значение, пода-

¹ Интересно, что Г. Фишер, издавший в 1818 г. книгу «Ориктогнозия, или Краткое описание всех ископаемых веществ, с изъяснением терминов», не включает туда слово *орлец*, хотя рубрика *роговик* (= *роговой камень*) в книге представлена [Фишер 1818: 253–256]. Это косвенный аргумент в пользу «народности» *орлеца*, поскольку Фишер ориентировался в основном на переводную или международную терминологию.

² Вот более подробная цитата: «*Орлец, или роговой камень*. <...> обыкновенно серый с разными оттенками, как от дымчатой из зелена, из желта, из синя и из красна серый; также из желта белый, мясной и красно-бурый, весьма редко бывает он оливкового и чистого зеленого цвета <...> Алый (роговой) камень, прекрасную политуру принимающий, просвечивающий, с черными марганцевыми дендритами. <...> Красный марганец. По исследованию Г. Рупрехта, содержит во сте частях 35,15 частей марганца, 55,06 кремнистой земли, 7,04 железа, 1,56 глины и 0,78 воды; кремнистая земля кажется здесь примешенною механически, ибо через промывание отделяется <...> Сюда же отчасти принадлежит и вышеописанный алый орлец, найденный близ деревни Шабраха в 25 верстах от Екатеринбурга» [Севергин 1798, 1: 386]. Топоним *Шабраха* употреблен ошибочно: имеются в виду *Шабры*, находящиеся, кстати, рядом с Малоседельниковским месторождением родонита.

вая *орлец* как 'минерал, поделочный камень': «Золото находится в камнях разного рода <...> но чаще в бѣлом кварцѣ, и орлецѣ роговом разных цвѣтов» <Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран <...>: Пер. с фр. яз. М., 1787. Ч. 2>; «До Тихих гор от Перми берега были сперва глинисты, потом песчаны, а с сих мест орлецы, известняк, глиняный шифер, песчаник» <А.Н. Радищев. Записки путешествия из Сибири (1797)>¹.

Первая фиксация слова в отечественной лексикографии дается в словаре И. Нордстета в 1782 г., при этом словарная статья выглядит так: «Орлец колыванский, *der Hornstein, la roche de corne*» [Нордстет, 2: 479]. Нордстет, таким образом, идентифицирует орлец с *роговым камнем*, приводя названия последнего по-немецки и по-французски. Что стоит за определением *колыванский*? Топоним *Колывань* соотносится с несколькими географическими объектами в разных местах, но в данном случае явно имеется в виду село Колывань на Алтае, которое с XVIII в. было центром сереброплавильного дела и, главное, камнерезного производства Горного Алтая (см. об этом в: [Родионов 1988]). Значит, скорее всего, Нордстет указывал на добычу рогового камня на Алтае.

Таким образом, в контекстах со словом *орлец*, относящихся к последним двум десятилетиям XVIII в., он трактуется чаще всего как роговой камень, роговик. Это не минерал, а горная порода, в составе которой могут быть обнаружены разные минералы². По этой причине дефиниция из [СлРЯ XVIII, 17: 78] ('минерал, поделочный камень') является неточной и противоречит контекстам, в которых явно говорится об осадочной породе. Подставить значение 'родонит' в эти контексты нельзя (скажем, золото в составе минерала родонита никак не может быть обнаруженным)³.

¹ Такая же дефиниция дается слову *орлик*, приводимому без контекста, а сочетание *орлий камень* помещается в тот же словарь только с пометой «минер.» [СлРЯ XVIII, 17: 78].

² Ср.: «Роговик — контактово-метаморфическая порода, возникшая в результате воздействия интрузивных масс на вмещающие породы. Имеет плотное, зернистое сложение. Сланцеватость материнских пород обычно затушевывается новыми породами (роговикowymi). Нередко обладает пятнистостью и обнаруживает раковистый излом. В состав роговика входят различные минералы: кварц, слюда, часто полевые шпаты, гранат, андалузит, силлиманит или кордиерит и изредка амфибол, пироксен и др.» [Геологический словарь 1955, 2: 220].

³ Здесь уместно привести еще влад. *орляник* 'верхний слой известняка' [СРНГ, 23: 344]. Последнее приводится без всяких пояснений и контекстов, но чуть более подробно комментируется краеведом К.Н. Тихонравовым в работе «Об известняке в Коврове»: «Известняк шел слоями и по своим строительным качествам разделялся на несколько сортов <...> Но местные крестьяне в зависимости от окраски, крепости и глубины залегания данного слоя различали шесть разрядов известняка: верхний — *орляник*, затем — *оржаник*, *леденик* (крепкий), *сапик* (мягче), *прыткой* — самый лучший, белый, идущий более метра в глубину, и *серый* — для пола и фундамента» (цит. по: [Кривошеева]). Обсуждать происхождение слова *орляник* трудно: слишком мало о нем пока известно. Однако можно предполагать, что это слово родственно *орлецу* в значении 'роговик' (у этих

«В недрах» такой широкой трактовки орлеца зарождается та, которая позволила Севергину сделать особый акцент на «алой политуре» камня и из которой вышло последующее понимание орлеца как родонита (или такой породы, где родонит играет первую скрипку). Именно эта «политура» позволила Севергину усомниться в том, что орлец относится к роговикам. Поэтому в другой статье своего словаря Севергин под рубрикой *марганцовая известь розовая* отмечает: «Может быть, сюда же принадлежит и так называемой *сибирской красной орлец*» [Севергин 1807, 2: 15]. Здесь верно ухвачено главное обстоятельство для понимания природы орлеца (родонита) — его принадлежность к марганцевым минералам¹.

Акцент на алом цвете орлеца, думается, собственно уральский. В «Описи месторождений цветных камней по Уралу 1792–1797 гг.», хранящейся в Государственном архиве Свердловской области, сообщается, что житель деревни Малое Седельниково Никита Партин нашел в ее окрестностях «шпат или орлец малинового цвета с черными железистыми прожилками и пятнами, изредка желтыми» [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1368] (цит. по: [Голомзик 1983: 40; Брусницын 2000: 9; Авдонин 2019: 80]). Находка была осуществлена, разумеется, раньше, чем попала в опись месторождений. Как сообщает В.П. Петров, два обелиска из орлеца, украшавшие вестибюль Эрмитажа и позднее переделанные в канделябры, были изготовлены из уральского орлеца еще в 1765 г. [Петров 1982]. В книге [Аринштейн и др. 1986: 115] указывается более поздняя дата: пишется, что камень был найден в 1781–1783 гг.

Итак, слово *орлец* первоначально имело широкое значение, называя роговой камень — часто встречающуюся породу осадочного происхождения, окрашенную в различные цвета в зависимости от составлявших ее минералов. После того как на Урале был найден новый камень насыщенного розово-вишневого цвета (часто с черными прожилками), он был квалифицирован как одна из разновидностей орлеца (очевидно, вследствие пестроты окраски). Точная минералогическая идентификация этого камня была невозможна, потому что основная его составляющая — марганец — еще не была описана, только В.М. Севергин в 1798 г. предположил, что орлец относится к группе марганца. Из-за трудностей с идентификацией камня наметились две линии

горных пород есть сходство по внешнему виду, а в вышеприведенном контексте из Радищева *орлец* и *известняк* идут в одном ряду).

¹ Состав *алого орлеца* В.М. Севергин (со ссылкой на Рупрехта) определяет так: «35.15 марганца, 55.06 кремнистой земли, 7.05 железа и 1.56 глины» [Севергин 1807, 2: 15]. Эти химические выкладки нам понадобятся в дальнейшем.

в определении значения *орлеца*, унаследованные словом при вступлении в XIX в.: старая (= роговой камень) и новая (= порода, где наиболее заметен родонит), которая имела сначала диалектное (уральское) хождение, но затем, вследствие все расширяющейся роли родонита в камнерезном деле и его уникальной красоты, вышла на первый план и вытеснила первоначальное значение. Трудности в определении значения слова связаны еще с тем, что в речевой практике нередко происходит смешение терминологического и нетерминологического значений минералов: термин подразумевает минерал с конкретной химической формулой, а нетерминологическое употребление имеет в виду нечто более широкое (например, соответствующую породу). Поскольку речь идет о слове, которое в ходу не только у специалистов, но и у широкого круга любителей (и «потребителей») камня, такое смешение случается очень часто и приводит к тому, что слова *орлец* и даже *родонит* употребляются расширительно и минералогически неточно, ср.: «В камнерезном деле обычно используется полиминеральная порода, содержащая помимо родонита еще больше десятка марганцевых минералов и имеющая неоднородное строение, разнообразную окраску и декоративные качества. Такие породы обычно называют орлецом или «родонитом», несмотря на то что одноименный минерал составляет в них иногда всего 50 % и даже ниже» [Брусницын 2000: 3].

Версии о происхождении слова *орлец*

По детским воспоминаниям автора статьи, во время экскурсии по Уральскому (тогда Свердловскому) геологическому музею еще в 1970-е гг. экскурсовод сказал, что происхождение слова *орлец* неясно, но по этому поводу есть две версии. Согласно одной, название связано с именем графа Орлова, фаворита Екатерины Второй, которая страстно любила камни. Эта версия, навеянная, очевидно, историей появления у Екатерины бриллианта «Орлов», несостоятельна ни словообразовательно (должна быть форма **орловец*), ни фактически: граф Орлов, кажется, ни в каких связях с родонитом не замечен. При подготовке статьи я вообще не смогла найти упоминание об этой версии в литературе.

По другой версии, наименование связано с тем, что орлы уносят камень в свои гнезда. В отличие от первой, вторая версия имеет широкое распространение. Эта версия транслируется популярной литературой о свойствах камней, множеством интернет-сайтов, а также устными рассказами жителей Среднего Урала. В Сети даже встречается именованное родонита «птичьим малахитом» (сравнение с малахитом

понятно: это первый знаменитый камень Урала)¹. Более того, в геологической литературе (правда, скорее не сугубо научного, а научно-популярного характера) у «птичьей версии» есть обоснования: «Встречающиеся в россыпях камни образуются в результате выветривания крупных глыб родонита. Покрытые сверху непрочной черной коркой окислов и гидроокислов, они во вторичном залегании быстро разрушаются. Однако ближе к ядру корка становится все более крепкой и постепенно сменяется розовым слоем, а затем ярким малиново-красным ядром. Яркие гальки минерала могли привлечь острые глаза птиц и таким образом очутиться в гнездах орлов» [Голомзик 1983: 42]. На ряде сайтов в интернете высказывается предположение о том, что камень привлекает орлов не только яркостью, но и сходством с цветом молодого мяса. Показательно, что в состав родонитовой породы среди прочих может входить минерал *инезит* [Буканов 2014: 231], название которого образовано от др.-греч. ἴς, ἰνός 'кровеносный сосуд; волокнистое вещество крови; (мышечные) волокна и сухожилия' [Дворецкий 1976, 1: 832]. Еще более интересен тот факт, что в жаргоне уральских горщиков есть слово *мясо*, обозначающее родонит красно-розового цвета без дендритов: «А вот мясо, это чистый родонит, розовый, цвет мясной» [ЛТЭК].

Начав специально заниматься словом *орлец*, я наткнулась на еще одну версию о его происхождении. Согласно ей, н а з в а н и е к а м н я о б ъ я с н и м о п о л о ж и т е л ь н ы м и к о н н о т а ц и я м и с л о в а *о р е л*: камень, найденный близ Малой Седельниковой, отличался «красивым розовым цветом и замысловатым рисунком. Видимо, поэтому выразительное название *орлец* постепенно закрепилось за ним» [Брусницын 2000: 10]. Более развернуто обосновывается эта версия в [Аринштейн и др. 1986: 112] со ссылкой на коллекционера А.В. Калугина: «Орел считается царем птиц, так и камень может быть подобен орлу камней за то, что он встречается в больших сплошных массивах и служит благодаря своей твердости и красивому цвету на поделку изящных дорогих каменных вещей». Если в литературном языке мелиоративные смыслы, закрепленные за словом *орел*, сводятся преимущественно к «молодцеватости» и «бравости», то в говорах подчеркивается и эстетическая сторона, ср., к примеру, перм. *орлянка* 'о красивой, здоровой девушке' [СРНГ, 23: 344]. Это обстоятельство работает в пользу указанной версии, однако смущает то, что конкретные терминологические значения за производными от *орел* в коннотативном смысле, кажется, не закрепляются: семантических ресурсов тут недостаточно.

¹ См.: <<https://www.livemaster.ru/item/31460611-materialy-dlya-tvorchestva-rodonit-naturalnyj-kaboshon-uralsk>>.

Фантастической является версия, обнаруживаемая на нескольких сайтах интернета. Согласно ей, «название уральского камня местечковое от Орлецкой копи» <<https://proza.ru/2018/02/27/259>>. Не дается пояснений, где находится эта копь, но в любом случае словообразовательные отношения восстановлены неверно.

Наконец, недавно была предложена еще одна версия. Производящей основой могло быть слово *орлить* 'ставить государственный герб, клеймо с орлом' [СлРЯ XVIII, 17: 79]. Возможно, камень был «заорлен» высоким распоряжением, ведь он очень понравился царствующим особам. После его находки могли поступить указания о запрете обработки его кем-либо, кроме Екатеринбургской гранильной фабрики, ведь изделия из этого камня шли на украшения царского дворца (устное сообщение В.А. Волосатова). Это остроумная версия, достойная внимания, однако ей противоречит то обстоятельство, что в русском языке XVIII в., как выше было показано, орлец все-таки преимущественно был известен как роговик, на который вряд ли стоило ставить двуглавого орла.

Вернемся ко второй версии, являющейся, как уже говорилось, наиболее популярной. На информацию об интересе к орлецу со стороны орлов «накручиваются» легенды о том, что камень способствует возвращению орлят. Это свойство, приписываемое камню, используется и в магических практиках жителей Урала. Вот несколько примеров в современной «каменной» беллетристике: «На Урале в старину мелкие кусочки родонита находили в орлиных гнездах; так возникло другое название этого камня — орлец, которое сохранилось до наших дней. Наши предки верили, что ребенок вырастет зорким и сильным, как орел, если кусочек родонита положить в колыбель» [Гураль 2018: 186]; «Имя самоцвета — орлец — связано с легендой о том, что камень привлекает орлов, и кусочки родонита якобы находили в их гнездах. <...> На Руси исстари считалось, что орлец, положенный в люльку малыша, поможет ему вырасти гордым и смелым, здоровым и сильным — настоящим орлом!» [Лоири 2019: 275]. Некоторые наши среднеуральские информанты — знатоки камня, камнерезы, горщики и даже «неспециалисты» — подтверждают эти легенды и верования, ср.: «Родонит для Екатеринбурга — как малахит для Нижнего Тагила. Главный камень. На Плотинке [неофициальное название площадки у плотины Городского пруда на р. Исеть в Историческом сквере Екатеринбурга] именно родонитовая глыба лежит неслучайно. Родонит орлы в клювах уносили в свои гнезда, потому что камни красные, как мясо. Его на Урале в люльку ребенку подкладывали. Чтобы рос. А почему? Потому что родонит — как бы на слово *роды* похоже. А еще на слово

родина. Клади, чтоб ребенок хорошо рос» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Этот контекст, повторяя сказанное выше, добавляет к нему две интересные детали: во-первых, существование в наивном языковом сознании аттракции *родонит* ↔ *родить*, *родина*, во-вторых, приписывание особой символики глыбе из орлеца, которая лежит в историческом центре Екатеринбурга¹.

Итак, орлец, или родонит, на Среднем Урале — символически нагруженный камень, и м е ю щ и й в п е р в у ю о ч е р е д ь с и м в о л и к у п л о д о р о д и я. Народное языковое сознание производит название камня от слова *орел*, объясняя это тем, что орлы якобы уносят камни в свои гнезда. Эта версия очень похожа на народно-этимологическую, но, по всей видимости, она верно указывает на то, что производящей основой является слово *орел*, а мотивация названия в широком смысле мифологическая. С точки зрения словообразования производность *орел* → *орлец* релевантна, ср. словообразовательный омоним, для которого факт образования от *орла* не подлежит сомнению: ст.-рус. *орлець* ‘круг из ткани, круглый коврик с изображением орла, на который становятся архиереи во время службы’ [СлРЯ XI–XVII, 13: 68–69]; это слово как термин богослужения фиксировалось и более поздними словарями русского языка (*орлец* ‘црк. круг из ткани, с орлом, подножье архиерея при служении’ [Даль, 2: 691]); встречается оно в специальном дискурсе и в настоящее время: «Кроме всего, нужно было вовремя подать кадило, чиновник, посох, успеть зажечь трикирий и дикирий, постелить орлец» <В. Тимаков. Высокопреосвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский (1998)> [НКРЯ].

Значит, для названия камня основа *орел* определена верно, а вот сама история про орлов, думается, говоря на языке геологов, обманка. Особая любовь орлов к родониту никак не подтверждается орнитологией, а собственно малоседелниковский родонит, с которым, как было показано выше, был отождествлен орлец, не образует россыпей, доступных для «клевания» клювом

¹ Об этой огромной уникальной глыбе во время экскурсий по городу экскурсоводы рассказывают так: «Родонит — гордость города. Издавна здесь делали чудеса из этого камня. И вот привезли родонитовую глыбу, положили на Плотинке — и стал этот орлец тем самым камнем-амулетом, который способствует тому, чтоб город вырос большой и сильный. Так же как орлец в колыбельке младенца способствует тому, что ребенок в будущем станет большой и сильный, как орел»; «Розовый камень на Плотинке — это и символ подземных богатств края, и сердце Екатеринбурга. Он и похож на сердце. К нему приходят молодые в день свадьбы — чтоб жить счастливо, чтоб в семье были дети» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Ср. также запись на одном из городских форумов: «Здесь, в Екатеринбурге, это место называют Камень любви. Этот камень символизирует самое романтическое и великое чувство — любовь. И зеленую набережную полюбили счастливые влюбленные парочки, которые постоянно прогуливаются здесь, многочисленные свадебные церемонии оставляют цветы и защелкивают железные замки любви на чугунной ограде, бросая ключи в бурлящую воду <...> Говорят, что это место концентрирует вокруг себя всю любовь екатеринбуржцев» <<http://1723.ru/forums/index.php?showtopic=181&st=40>>.

орла (а при всей крепости этого клюва он все же не может заменить серьезный геологический инструментарий, нужный для добычи этого камня, ср. сведения об условиях добычи родонита в [Брусницын 2000]).

Забегая вперед, можно утверждать, что истинная мотивация имеет гораздо большую глубину — как в пространстве, так и во времени.

Семантико-мотивационные параллели «орлиного камня»

В поисках первоначальной мотивации важно найти семантико-мотивационные параллели — иные названия камней, образованные от слова *орел* (возможно, и от обозначений других птиц). Интерес могли бы представлять также параллели во в н е - з ы к о в ы х к у л ь т у р н ы х к о д а х, где фигурируют орлы и камни. Параллели в языке, фольклоре и верованиях могут быть проявлены как совместно (скажем, лексически выраженный «орлиный камень» сопровождается легендой об орле, несущем камень в гнездо, etc.), так и раздельно.

Примером фольклорной параллели без лексической поддержки может служить хотя бы пассаж из лирической песни «На батюшке было на Окиян-море», существующей в ряде вариантов: «Прилетала к орлу орлинушка; Они начали совыкаться; По совыканьцу стали вить тепло гнездо: На завив кладут бело серебро, Середочку выкладывают красным золотом, Краюшки вынизывают мелким жемчугом, В уголушки втирали дороги самоцветные камни» [Соболевский 1895: 573]. Ряд примеров реализации мотива «камень в гнезде орла (другой птицы)» приводит О.В. Белова, которая указывает, что соответствующие народные представления развились под влиянием книжности: камень в гнезде орла является средством от выкидыша (рус.), оберегом от «поветрия, порчи и всяких бед» (рус.); в гнезде орла хранятся монеты и золото (укр.); в гнезде ворона незримо хранятся золото, серебро и самоцветные камни (рус.); камень из гнезда птицы делает человека невидимым (польск.) [Белова 2000: 287]. Среди памятников книжности, повлиявших на появление таких верований, памятники типа «Физиолога», «Шестоднегов» и др. Так, в «Физиологе» говорится о том, что если самка коршуна не может снести яйца, то коршун (*vip, gin, sun*) летит «въ нѣкою землю. тамо е^с пропа^с дѣлбока. и вълазит въ пропасть и възимаеъ из гльбини каме^н и приносит на гнѣздо то^т ради раж^на раж^наетъ випица» [Белова 2000: 72]. В другой легенде такого рода пропасть, куда летит суп, называется *Иовойой*, в третьей гип приносит «скорородный¹

¹ В этом же тексте такой камень называется также *скороходным* [Белова 2000: 86].

камень» из Индии [Белова 2000: 86, 244] и др. Магическая роль «орлиного камня» в стимуляции беременности отмечена в лечебниках, распространенных в различных евроазиатских традициях (так, в одной из старочешских рукописей с медицинской тематикой сказано, что женщина, желающая забеременеть, должна носить на себе камень, найденный в мозгу орлицы [Staročeské knihy lékařské 2006: 215]).

Что касается закрепленных в лексике параллелей, то они тоже отмечаются. В «Очерках по истории камня» А.Е. Ферсмана есть маленький словарик «Старинные русские названия камней» [Ферсман 1954: 358–359], куда он помещает позицию *орлиный камень* — «глинистый бурый железняк эллипсоидальной или шарообразной формы с пустотой внутри. Греки такие камни называли *aetites* и предполагали, что они особенно нравятся орлам, которые заносят их в свои гнезда» [Ферсман 1954: 358]¹. Это сочетание не встречается вроде бы в диалектных словарях. В.И. Даль дает его мельком, без территориальных помет и иллюстраций: *орлиный камень* ‘вид железной руды, железная почка’ [Даль, 2: 691]. Кроме того, Даль упоминает сочетание *орлиный камень* в качестве дублета к *гремучему камню*, а последний трактуется как ‘ядра бурого железняка, иногда полые, еще с ядрышком внутри, которое гремит при потрясении’ [Даль, 1: 347]. Подробно описывает такого рода камни, называемые «орлиными» (нем. *Adlerstein*), немецкий минералог XVIII в. И. Вальх в своей книге, появившейся в русском переводе в 1784². Подобная информация представлена и в словаре Иоганна Аделунга, составленном на рубеже XVIII–XIX вв., где указано, что *Adlerstein* имеет параллельное название *Klapperstein* («гремучий камень») [Adelung]³. Сходным образом

¹ Ср. оригинальную ссылку на греческие данные: ἀετίτης λίθος ‘орлиный камень, о котором говорят, что его находят в орлином гнезде’ [Liddell, Scott 1883: 27].

² По указанию Вальха, *орлиные камни* (*aetites*) именуют так «для того, что прежде думали, якобы орлы великие были до них охотники и оные по разным причинам носили в свои гнезды <...> Некоторые имеют одну пустоту, а прочие многия; у некоторых ямка пуста и для того они не гремят, и называются *тихими орлиными камнями*, другие имеют нечто в себе включенное, которое была либо вода, поколику они наименования носят *enhydros*, или имеют маленькой камешок, прозванный древними *calimus*, или некоторые из них содержат песок или землю, или маленькие хрустали, который последний род обыкновенным образом по внутренним сторонам снабден кварцом. В рассуждении их фигуры и вида они то круглые, то широкие, то продолговатые. Поверхность у некоторых гладка, а у других шероховата. В рассуждении каменной породы они железисты, и такие то суть так называемые *зиты*, кои некоторым образом ни что иное, как выветрелые кисовые [очевидно, *кисовый* — образование от немецкого заимствования *kis*, означающего в русском языке XVIII в. колчедан [СлРЯ XVIII, 10: 40]. — Е.Б.] шары, или они состоят из твердой каменной породы, или из вместившейся глинистой земли, и сии ежели они вместо камня землю в себе имеют, называются *геодес*. Происхождение таких гремящих камней легко понять можно. Ежели орлиные камни суть выветрелые кисовые шарики, то выветривание делает, что некоторые части <...> друг от друга отделяются и распадаются в пыль и землю» [Вальх 1784: 10–11].

³ «Это полый камень, в котором есть еще один рыхлый камень — и поэтому он гремит (конкреция лимонита — геол., жарг.). Он получил название от поверий простолудинов, что его находят в гнез-

толкуют *Adlerstein* и братья Гримм в своем знаменитом словаре немецкого языка, указывая, что орлы носят в гнезда камень для того, чтобы лучше росли орлята, а женщина, желающая родить, может привязать этот камень к внутренней поверхности ноги или руки [Grimm, 11: 806]. В функции родовспоможения орлиный камень используется наряду с магнитом (помогающим быстро и безболезненно вытащить ребенка из матки) <https://de.wiktionary.org/wiki/Adlerstein#cite_note-1>. Анализ легенд о камнях типа азтита в различных культурных традициях см.: [Юрченко 2007: 160–162]¹.

Есть упоминания таких камней в русской и славянской книжности переводного характера. Так, в минералогическом разделе «Прохладного вертограда» (XVII в.) в качестве параллели к латинскому *аквилеланису* используется *орловый камень* [Макеева 1988: 147], точно переводящий внутреннюю форму латинского сочетания. В одном из рукописных сборников XVIII в., где говорится о лечебных свойствах зверей, птиц и рыб, есть раздел «О орловом камени». Этот камень «легóстно рожение творить женамъ и скотомъ и пѣтицамъ» (см.: [Белова 2000: 194]). Здесь реализуется мотив «скорородного камня», который представлен не только в поверьях об «орловом камне», восходящих к античности (ср. выше о греч. ἀετίτης), но и в греч. λυχίτης, который считался «камнем аиста» (о нем см. ниже). В русском языке XVIII в. тоже отмечен такой камень, при этом речь идет явно о камне типа азтита — *орлиный камень*: «Находили мы тут так называемыя орлиныя камни, снаружи имѣли они желѣзистой цвет» <Путешествия Лепехина>; «Нѣкоторые безуи звѣнят подобно орлиным камням» <Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран <...>: Пер. с фр. яз. М., 1787. Ч. 1> [СлРЯ XVIII, 17: 79]. Кстати, важно отметить, что *орлиный камень* фигурирует в том же источнике (Словарь коммерческий...), что и *орлец*; значит, эти наименования могли как минимум сближаться в сознании носителей языка.

О существовании «орлиных камней» (в варианте *орлов камень*) не мог не упомянуть А.Н. Афанасьев, указывавший, что

дах орлов. Те разновидности, которые содержат песок или воду вместо камня, называются *Geodes* и *Hydrotites*. В немецком языке нет специальных имен для них, поэтому все три разновидности понимаются под общим названием гремучего камня» [Adelung].

¹ Приведем для полноты картины отрывок из «Лапидария», сочиненного Марбодом Реннским (XI в.): «Средь превосходных камней азтит помещается также. Птица Зевса — орел — достает его в крайних пределах Мира, как стража гнезда и защиту грядущих потомков. Им в состоянии он отвратить от птенцов все невзгоды. Как у носящей во чреве, в том камне скрывается камень: Вот и считают, что он помогать беременным может, Выкидыш чтоб не случился, иль чтобы не мучились в родах; Камень подобный обычно на левой руке помещают. Кроме того, доставляет сей камень носящему трезвость, Множит богатства и стать с его помощью можно любимым; Он и победу дает, и венчает любовью народной, Мальчикам он невредимо иль девочкам жить помогает, И говорят, что припадков падучей болезни — противник» (цит. по: [Юрченко 2007: 162]).

«в XVII веке думали, что камень этот охраняет от поветрия, порчи и всяких бед и что его можно находить в гнезде орла, а держит он его для оберегания своих детей» [Афанасьев 1994, 1: 494]. А.В. Гура (со ссылкой на Афанасьева и знаменитую работу В. Клингера «Животные в античном и современном суеве-рии») говорит о том, что поверье о камнях в орлиных гнездах имеет книжное происхождение, а сам такой камень называется не только *орлов*, но и *огневик* [Гура 1997: 612]. Возможно, под *огневиком* как раз подразумевается лихнит (Λυχνίτης), имеющий огненный цвет (хотя можно думать и о кремне, ср.: *огневік* ‘кремень, камень, дающий огонь’¹ [Даль, 2: 665]).

Мотив «птичьего камня» реализуется в языке в связи не только с образом орла, но и с образами других птиц.

Ласточкин камень. В «Подробном словаре минералогическом» В.М. Севергина есть позиция *ласточкин камень* (франц. *Pierre de chelidoine*) ‘агат, обтертый и сплюснутый от трения в водах’ [Севергин 1807, 1: 645]. Севергин использует сочетание *ласточкин камень* также как соответствие для лат. *Chaelidonia gemma* (при переводе Плиния): «Хелидоний двоякого рода, один имеет цвет перьев ласточки, а другой багряного цвета, с черными пятнами» [Плиний 1819: 92]. В словаре Пыляева фигурирует *ластовичный (ласточный) камень (Lapis chelidonii)*: «Некрасивый, серого или красноватого цвета агат, по понятию древних, будто бы находимый в гнездах ласточек. Минерал этот в древности играл немаловажную роль у знахарей при лечении различных болезней. <...> В Нормандии до сих пор сохраняется поверье, что вестница весны, ласточка, обладает таинственным знанием находить за морем этот замечательный камень, дарующим слепым зрение. Желаящий достать его должен разостлать под гнездом ласточки красный платок, который птица примет за огонь и бросит на него чудесный камень» [Пыляев 2008: 145].

В.И. Даль, приводящий ряд *ласточкин камень, ластовік, ласточник*, не определяет камень минералогически и дает ему «мифологическое» определение: ‘камешек, будто бы находимый в желудке ласточки, исцеляющий недуги’ [Даль, 2: 239]. Эта трактовка наследует традиции памятников древнерусской «естественно-научной» литературы. В одном из них — «Книге естествословной» — сообщается, что «камень, находящийся внутри ласточки “при хвосте ея”, бывает двух видов: черный — мужской, красный — женский; красный от падучей болезни и умо-

¹ Ср. заговор (явно книжный), который приводит Афанасьев со ссылкой на Сахарова: «Летел орел из-за Хвалынского моря [море = небо], разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сыру землю, и как отродилась от кремня и кремницы искра, от громой стрелы полымя, и как выходила туча, и как проливал сильный дождь» [Афанасьев 1994, 1: 494].

помешательства, привлекает к человеку любовь других; черный, носимый на шее, отгоняет судороги и, меняя свой вид, выявляет злые помыслы окружающих» [Белова 2016: 14]. *Ластовичные камни* упоминаются в древнерусских лечебниках, где говорится о том, что «в пупках у птенцов ласточек есть три камня — черный, красный и белый; черный хорошо иметь при себе человеку, который «великий талант обрящет во всяком торгу», «красного дьявол боится и бегаёт», белый «добро человеку в очи класть, очи будут яко у младенца»» [Белова 2000: 157]¹.

Отсюда понятно, что «ласточкин камень» имеет богатейшее культурное наследие, будучи известен цивилизациям как Запада, так и Востока. К примеру, Бируни сообщает об арабско-персидских легендах, согласно которым ласточка «приносит к своим птенцам камень *йарқан*², если обмазать ее птенцов шафраном, так как птица [тогда] принимает его за птенца» [Бируни 2011: 121]³. Таким образом, легенды о ласточкином камне представлены в двух основных разновидностях: 1) ласточка приносит камень откуда-либо; 2) камешки извлекаются из тела ласточки (в случае орлов первый вариант легенд резко преобладает над вторым). Обзор сведений о ласточкином камне в разных культурных традициях (с опорой на сочинения персидских авторов, «Лapidарий» Марбоды Реннского, «Прохладный вертоград» и др.) представлен в [Юрченко 2007: 163–165].

Камень аиста. Известен (по крайней мере в античной и германской традициях, особо значимых для международной лексики и мифопоэтики камня) «аистинный камень». По немецким источникам, слово с такой внутренней формой, *Storchstein*, означает образование из класса белемнитов. Его, по народным представлениям, аист приносит в свое гнездо, кроме того, это слово выступает как дублет к геммониму *Luchsstein* [Grimm, 19: 385]. Что касается названия *Luchsstein* («камень рыси»), то под ним понимается ‘циркон или гиацинт’ [Grimm, 12: 1224], а также ‘полудрагоценный камень, который на самом деле является желтым агатом или тонким роговым камнем’ (либо из-за его цвета, который похож на цвет рыси, либо потому, что древние люди думали, что он происходит из мочи рыси) <https://grammatisch.academic.ru/30610/Luchsstein%2C_der>. Для слова

¹ Неслучайно А.И. Куприн включает *ласточкин камень* (кстати, наряду с *орлиным*) в перечень чудесных камней, приводимый в «Суламифи», которая написана, как известно, по мотивам ветхозаветных притч: «[И] черный ласточкин камень, дающий красноречие; и уважаемый беременными женщинами орлиный камень, который орлы кладут в свои гнезда, когда приходит пора вылупляться их птенцам» <1908> [НКРЯ].

² Возможно, имеются в виду желтые и бурые разновидности циркона, добываемые вместе с гранатами [Бируни 2011: 510].

³ На этом поверье основан способ магического лечения желтухи, подробно изложенный в [Юрченко 2007: 163].

кратно привлекавшей к ней внимание и стимулировавшей появление мифопоэтики камня, трудностей непосредственной «добычи» камня. Кроме того, существует большой разрыв между его практическим использованием, мифопоэтической интерпретацией, с одной стороны, и научным изучением — с другой (так, между тем временем, когда люди узнали родонит, и тем, когда он был химически идентифицирован, прошли без преувеличения тысячелетия). Эта культурная история значительно короче, чем природная, но не менее сложна, поскольку опосредована человеком и его символической деятельностью. Различные версии о происхождении камней, геммологические образы и мотивы мигрируют из страны в страну, путешествуют через эпохи, накладываясь друг на друга и смешиваясь. Кроме того, внутри самой геммонимической номинативной системы постоянно происходят метонимические переносы, сужения, расширения значений и разнообразные их сдвиги: эти процессы, характерные для любого класса наивной номенклатуры (фитонимов, зоонимов и др.), особо активны в геммонимии, поскольку соотнесение камней друг с другом в обыденном сознании основывается преимущественно только на внешних признаках (по сути, здесь настолько же зыбкие основания для номинативной категоризации, как и в сфере наивной медицины). В силу этих причин проследить детально генезис многих языковых или фольклорных фактов, связанных с камнями, практически невозможно. В ряде случаев остается лишь наметить круг возможных сопоставлений (заведомо неполный), направлений переноса и отождествления, а также гипотетически выстроить относительную хронологию языковых и культурных моделей, понимая, что собирание всех звеньев цепи невозможно.

Сопряжение камней и птиц является, по всей видимости, культурной универсалией. Вероятно, многочисленные легенды о камнях в теле птицы или о птицах, приносящих камни в гнездо, имели когда-то под собой реальное обоснование. Позволим себе следующую «э т о л о г и ч е с к у ю» г и п о т е з у. Известно такое явление, как гастролиты, — камни, которые проглатываются животными и особенно птицами и способствуют перетиранию плотной и волокнистой пищи. Разумеется, такие камни издавна обнаруживались при потрошении птиц и животных, как и разные другие твердые образования — конкременты из плотно сваленных волос и пр. Отсюда представления о безоаровых камнях, безоарах, которые широко используются в народной медицине (см., например: [Пыляев 2008: 91–92]). Безоары могли стать тем «спусковым крючком», который запустил мотив «птичьего камня». Небезынтересно отметить, что в одном из контекстов об *орлином камне*, приведенном выше,

он сопоставляется именно с безоаром: «Некоторые безоу звѣнят подобно орлиным камням» (XVIII в.).

Разумеется, этот «крючок» не является единственным. Рассуждая о другом таком источнике, приведу следующее наблюдение. В минералогическом отделе Венского музея естествознания (Naturhistorisches Museum) есть замечательная экспозиция: в нескольких витринах выставлены попарно камни и сходные (связанные по разным основаниям) с ними представители других классов живой природы — птицы, рыбы, животные (скажем, нем. *Smaragd* ‘изумруд’ — *Smaragdtaube* ‘птица *Chalcophaps Indica*, букв. «изумрудный голубь»); нем. *Rubin* — *Rubintyrann* ‘птица *Pyrocephalus rubinus*, букв. «рубиновый мухоед»). Заметно, что в экспозиции пары «камень — птица» заметно преобладают над парами «камень — животное» или «камень — насекомое». Возможно, это объясняется тем, что птицы в целом имеют более разнообразный, нежели животные, репертуар окрасок (в том числе «блестящих»), которые могут быть сопоставлены с окрасками минералов. Это обстоятельство тоже могло содействовать сближению этих двух классов представителей мира природы.

Какими бы ни были истоки указанной культурной универсалии, она отмечается в разные эпохи, в различных субстанциональных кодах культуры, во многих национальных традициях. Разнообразны и механизмы экспликации этого универсального мотива. Для нас важны как минимум два: один метафорический (птица и камень уподобляются друг другу), а другой условно назовем мифопоэтическим (легенды о том, как птица добывает камень, и пр.). Разумеется, эти механизмы могут совмещаться, накладываться друг на друга.

В геммонимии (как правило, неофициальной) разных языков «птичьи» названия могут присваиваться камням, обладающим следующими свойствами (перечислим только несколько основных): цветовые эффекты камня уподобляются цвету / переливам оперения птицы (как правило, пестрого) или связываются с блеском (и формой) ее глаз; камень обладает высокой ценностью, что вызывает ассоциации с теми птицами, символика которых находится в «верхнем регистре» положительной оценки или «статусности»; камень является редким, экзотическим и трудным для добычи, что порождает легенды о том, как птицы приносят такие камни из дальних краев; камень залегают в россыпях или легко добываемых (осадочных) породах, из-за чего появляются представления о том, что подобные камни могут клевать птицы и уносить их в гнезда; камень имеет полость, внутри которой вырастает еще один камень, что на по м и н а е т м а т е р и н с к о е ч р е в о: в этом случае камень,

по народным верованиям, способствует деторождению, а этим же свойством обладают птицы (например, аист или ласточка, которые, по поверьям, приносят детей [Гура 1997: 618–633, 646–667]); камень имеет два варианта окраски — один более интенсивный или «холодный», другой менее интенсивный и «теплый», что на уровне мифопоэтики соответствует «мужской» и «женской» разновидности камня (а это вновь отсылает к мотиву деторождения).

Слово *орлец*, замкнутое, казалось бы, на сугубо «местную» реалию — уральский вариант родонита, имеющий специфические декоративные свойства, в то же время должно быть рассмотрено на фоне всемирной (по крайней мере евразийской) номинативной и культурной истории камня. Без этого фона семантическая реконструкция в данном случае невозможна. Чтобы осуществить реконструкцию, надо наложить выделенные выше возможные признаки камней, получающих оторнитонимную номинацию, на свойства того камня, который предположительно носил имя *орлец*.

На той глубине, о которой мы можем говорить (фиксация в словарях в конце XVIII в.), слово обозначало *роговик* — горную породу, состоящую из различных минералов. К этой реалии — *роговикам* — оказалось «притянутым» слово, связанное с образом орла и тянущее за собой богатейший шлейф языковых и фольклорных ассоциаций. Номинативная ситуация, способствовавшая созданию слова, подготовлена переводной литературой вроде лечебников, где фиксировались «орлиные камни», а также рассмотренными выше «каменно-птичьими» мотивами, имеющими характер культурной универсалии.

Труднее всего понять, на каком основании *роговики* стали *орлецами*. Этот вопрос затрагивался выше, но об этом следует сказать подробнее. Думается, таких оснований два. Во-первых, *роговики* имеют пеструю окраску (пятнистость), что позволяет сопоставить их с цветом оперения птиц (ср. выше мотивацию Плиния для одного из «орлиных камней» — «камень, названный так по беловатому цвету орлиного хвоста»). Признак пестроты характерен и для «ласточкиных камней», которые явно оказывали номинативное влияние на «орлиные», при этом по описанию «ласточкины камни» могут сочетать красные и черные тона — те же, что у родонита. Во-вторых, *роговики* слоисты, ср. приведенную выше их характеристику: «Сланцеватость материнских [разрядка наша. — Е.Б.] пород обычно затушевывается новыми породами (роговиковыми)». Думается, что такая слоистость (нарастание новых слоев на старые) соответствует логике «материнской» метафоры в гем-

монимии, ср. *матка* 'у камней с концентрическим узором (особенно у агата): центральная часть камня, на которую как бы нарастают «дети» — цветные круги' (Екатеринбург) [ЛТЭК]; подобная метафора фиксируется и в геммонимии других языков (см.: [Березович 2014: 232–233]). Собственно, «материнскость» заложена и в самом образе породы, «рождающей» минералы.

Таким образом, объект номинации — роговик — обладает свойствами «орлиного камня». Само слово *орлец*, скорее всего, было перенесено на роговик с какого-либо другого камня, называемого *орлиным* (*орловым*): возможно, с железняка, в связи с которым материнский образ разворачивается иначе (порода с полостью)¹.

Как уже говорилось, на следующем этапе номинативной истории *орлеца* была особо выделена алая разновидность камня. Ее акцентировке способствовали разные обстоятельства: алый камень, особенно в уральском варианте, был исключительно красив и стал активно добываться как поделочный. Слово *орлец* обладает положительным коннотативным фоном благодаря своей производящей основе, что способствовало поиску дополнительных номинативных оснований для соотнесения птицы и камня: царь камней ↔ царь птиц. Кроме того, алый цвет камня ассоциируется с огнем, а мотив огня представлен в культурно-языковом образе орла (связь «орел — мясо» тоже возможна, но, кажется, в меньшей степени). В строго научном смысле орлец по химическому составу не мог быть отнесен к роговикам, но в обыденном языке такое отождествление было возможно: «новый» камень тоже пестр по рисунку, как и роговики (скажем, в приведенный выше контекст из Радищева — «До Тихих гор от Перми берега были сперва глинисты, потом песчаны, а с сих мест орлецы, известняк, глиняный шифер, песчаник» — вполне можно подставить *доломит* — название камня, который реально встречается в рельефе указанной территории, а окраской одновременно сходен и с роговиками, и с родонитом²). Затем был определен химический состав этого алого камня — и он получил современную научную идентификацию (родонитовая порода).

Разумеется, к этому названию «приклеились» легенды, которые сопровождали «орлиные» и другие «птичьи» камни. Особенно интересно то обстоятельство, что камень, который считался «аистиным» (греч.

¹ Надо отметить, что мифопоэтика «скорородных камней» всячески стремится подчеркнуть их связь с женским лоном. Неслучайно, по одному из вариантов легенд, «мужская» птица приносит камень для облегчения родов «женской» птицы, слетав за ним в пропасть.

² Устное сообщение О. Пермякова.

λυχίτης), идентифицировался как ценный красный минерал, в том числе родолит.

Официально-номенклатурное название — *родонит* — тоже способствует созданию народно-этимологических мифов, поскольку ассоциируется с глаголом *родить*.

В этой истории концы с концами нельзя назвать плотно сошедшимися. Но она поучительна, поскольку показывает, какие варианты взаимодействия «слов» и «вещей» стоит учитывать в такой увлекательнейшей, но мало изученной пока области, как народная геммонимия.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

Список сокращений

БАС — Словарь современного русского литературного языка

БАС₂ — Большой академический словарь русского языка

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ЛТЭК — Лексика, топонимия, этнография камня (картотека, хранящаяся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка <<http://www.ruscorpora.ru/new/>>

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в.

СРНГ — Словарь русских народных говоров

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка

Источники

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М.: Индик, 1994. Т. 1–3.

[Бируни] *Абу-р-Раихан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А.М. Беленицкого; статьи и примеч. А.М. Беленицкого и Г.Г. Леммлейна; под ред. И.М. Стеблин-Каменского и В.П. Никонорова; вступ. ст. И.М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В.П. Никонорова и Н.П. Юшкина. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. 599 с. (Fontes scripti antiqui).

- Большой академический словарь русского языка. СПб.: Наука, 2004–. Т. 1–.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. 318 с.
- Геологический словарь: В 2 т. / Под общ. ред. А.Н. Криштофовича. М.: Гос. науч.-тех. изд-во по геологии и охране недр, 1955.
- Гураль С.* Драгоценные камни. Гид по миру ювелирных секретов. М.: Эксмо, 2018. 288 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Куликов Б.Ф., Буканов В.В.* Словарь камней-самоцветов. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Недра, 1989. 168 с.
- Кобяшев Ю.С., Никандров С.Н.* Минералы Урала (минеральные виды и их разновидности) / Отв. ред. П.М. Вализер. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2007. 311 с.
- Лоури М.* Чудесные камни. 250 минералов: история, свойства и скрытые особенности. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- Минералогическая энциклопедия / Под ред. К. Фрея; пер. с англ. Л.: Недра, 1985. 512 с.
- Нордстет И.* Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником И. Нордстетом: В 2 ч. СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1780–1782.
- Плиний Кай Секунд.* Естественная история ископаемых тел, переложенная на русский язык, в азбучном порядке примечаниями дополненная трудами В.М. Севергина. СПб.: Имп. Акад. наук, 1819. 364 с.
- Пыляев М.И.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и применение. СПб.: ООО «СЗКЭО», 2008. 192 с.
- Рид П.Дж.* Геммологический словарь (драгоценные и ювелирные камни, их синтетические аналоги и имитации) / Пер. с англ. Л.: Недра, 1986. 287 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- Словарь русского языка XVIII в. / Ред. С.Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука; АН СССР, 1948–1965.
- Смит Г.* Драгоценные камни: Пер. с англ. / Под ред. В.П. Петрова. М.: Мир, 1984. 558 с.
- Соболевский А.И.* Великорусские народные песни: В 7 т. / Изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1895. Т. 1.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. Акад. наук: В 4 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847.

- Теофраст*. О камнях / Пер. с англ. Б.Ф. Куликов; сост. В.В. Бобылев. М.: ИД МСП, 2004. 249 с.
- Ушаков Д.Н.* (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
- Adelung J.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen. Zweyte, vermehrte und verbesserte Ausgabe. Leipzig, 1793–1801. <<https://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/online/angebot>>.
- [Grimm] Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961.
- Liddell H.G., Scott R.* (comps.). A Greek-English Lexicon. N.Y.: Harper, 1883. 1776 p.
- Staročeské knihy lékařské / K vydání ze staročeského rukopisu připravila A.M. Černá. Brno: Host, 2006. 472 s.

Библиография

- Авдонин В.Н.* О камнях... 2-е изд. Екатеринбург: Уральский следопыт, 2019. 144 с.
- Аринштейн М., Мельников Е., Шакинко И.* Цветные камни Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1986. 224 с.
- Белова О.В.* Чудесные камни древнерусских рукописных сборников // Живая старина. 2016. № 3. С. 14–16.
- Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
- Брусницын А.И.* Родонитовые месторождения Среднего Урала (минералогия и генезис). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 192 с.
- Будрина Л.А.* Дипломатия в розовом цвете: родонитовые вазы для европейских суверенов // Седьмые Худояровские чтения: Всерос. науч.-практ. конф.: Докл. и сообщ. 15–16 октября 2015 г. Нижний Тагил: Уральский колледж прикладного искусства и дизайна, филиал ФГБОУ «МГХПА им. С.Г. Строганова», 2017. С. 15–19.
- Буканов В.В.* Цветные камни и коллекционные минералы. Энциклопедия. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Б.и., 2014. 464 с.
- Вальх И.* Валха каменное царство: Перевел А. Нартов, действительный статский советник, государственной Берг-коллегии вице-президент <...>. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1784. 146 с.
- Голомзик А.* Родонит. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1983. 168 с.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Кривошеева Н.* Из истории известкового производства в Ковровском уезде. <<https://pandia.ru/text/77/193/32241.php>>.
- Макеева И.И.* Минералогические сведения в русских памятниках XVI–XVII вв. // Симонов Р.А. (отв. ред.). Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 141–150.

- Петров В.П. Рассказы о поделочном камне / Отв. ред. М.А. Лицарев. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Родионов А.М. На крыльях ремесла: повествовательная хроника камнерезного дела на Алтае с 1786 г. и до наших дней. М.: Современник, 1988. 278 с.
- Севергин В.М. Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия: В 2 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1807.
- Севергин В.М. Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел: в 2 кн. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1798.
- Таланцев А.С. Знаменитые уральские самоцветы. Екатеринбург: ИД «ПАК-РУС», 2000. 165 с.
- Ферман А.Е. Очерки по истории камня. М.: АН СССР, 1954. Т. 1. 372 с.
- Ферман А.Е. Рассказы о самоцветах. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2014. 263 с.
- Фишер Г. Ориктогнозия, или Краткое описание всех ископаемых веществ, с изъяснением терминов. М.: Императорская медико-хирургическая академия, 1818. Ч. 1. 456 с.
- Юрченко А.Г. Книга камней. Чудеса мира в восточных космографиях. СПб.: Евразия, 2007. 240 с.

Gemstone Names from the Wörter und Sachen Perspective: On the Origin of Russian *Orlets* ‘Rhodonite’

Elena Berezovich

Ural Federal University
51 Lenin Av., Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

The article considers the history of the word *orlets*, one of the names of rhodonite (located mainly in the Middle Urals). The author traces the changes in the semantics of this word from its first mention in Russian lexicography at the end of the 18th century to the present day, when it gained the status of obsolescence. Specifically, the author demonstrates that the meaning of ‘rhodonite’ was assigned to it only by the end of the 19th century. The paper presents and comments on the existing hypotheses of the origin of the name *orlets*: the widespread but scientifically untenable myth that eagles carry this stone to their nests; the idea that rhodonite is the preeminent stone (as the eagle is

considered “the king of birds”) because of its beauty and value, and others. As the author demonstrates, the word *orel* — ‘eagle’ — is the actual generating stem for the name under discussion, but the motivation is revealed only based on a wide cultural and linguistic context. For its reconstruction, both linguistic semantic and motivational parallels — as well as extra-linguistic facts from the field of folklore and folk beliefs — are involved, confirming the stability of the symbolic links between “eagle” and “stone.” It is also important that stones, in this language, are additionally associated with images of other birds (cf., for example, the Russian *lastochkin kamen* “swallow stone”, the German *Storchstein* “stork stone”): the evidence presented in the article shows that these links can claim the status of a cultural universal. To demonstrate the occurrence of *orlets* in a number of names of stones derived from names of birds, the author superimposes the possible signs listed in the work, for which the stones received “bird” names, onto the properties of the stone that was originally presumably named *orlets*. The article contains extensive background information of a cultural and historical nature, as well as rich data from the field of Geology and Mineralogy, which are necessary for the verification of linguistic constructions.

Keywords: Russian vocabulary, gemstone names, ethnolinguistics, semantic and motivational reconstruction, etymology, historical lexicography.

Acknowledgements

The research is part of the project “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Research” funded by the Ministry of Education and Science of Russia (project number FEUZ-2020-0056).

References

- Avdonin V. N., *O kamnyakh...* [About the Stones...], 2nd ed. Ekaterinburg: Uralskiy sledopyt, 2019, 144 pp. (In Russian).
- Arinshtein M., Melnikov E., Shakinko I., *Tsvetnye kamni Urala* [Colored Stones of the Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1986, 224 pp. (In Russian).
- Belova O. V., ‘Chudesnye kamni drevnerusskikh rukopisnykh sbornikov’ [Magic Stones of Ancient Russian Manuscript Collections], *Zhivaya Starina*, 2016, no. 3, pp. 14–16. (In Russian).
- Berezovich E. L., *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science, 2014. 488 pp. (In Russian).
- Brusnitsyn A. I., *Rodonitovyie mestorozhdeniya Srednego Urala (mineralogiya i genezis)* [Rhodonite Deposits of the Middle Urals (Mineralogy and Genesis)]. St Petersburg: St Petersburg State University, 2000, 192 pp. (In Russian).

- Budrina L. A., 'Diplomatiya v rozovom tsvete: rodonitovye vazy dlya evropeyskikh suverenov' [Diplomacy in Pink: Rhodonite Vases for European Sovereigns], *Sedmye Khudoyarovskie chteniya: Vseros. nauch.-prakt. konf.: Dokl. i soobshch. 15–16 oktyabrya 2015 g.* [7th Khudoyarovskie chteniya: All-Russian Scientific and Practical Conference: Reports, 15–16 October 2015]. Nizhni Tagil: Ural College of Applied Art and Design, 2017. pp. 15–19. (In Russian).
- Bukanov V. V., *Tsvetnye kamni i kolleksionnye mineraly* [Colored Stones and Collectible Minerals]: Encyclopedia, 3rd ed. St Petersburg: S. n., 2014, 464 pp. (In Russian).
- Fersman A. E., *Ocherki po istorii kamnya* [Essays on the History of the Stone]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954, vol. 1, 372 pp. (In Russian).
- Fersman A. E., *Rasskazy o samotsvetakh* [Stories about Gemstones]. St Petersburg: Levsha. Sankt-Peterburg, 2014, 263 pp. (In Russian).
- Fisher G., *Oriktoznoziya, ili Kratkoe opisaniye vseh iskopaemykh veshchestv, s izyasheniem terminov* [Oryctognosy, or A Brief Description of All Fossil Substances with Explanations of Terms]. Moscow: Imperial Medical and Surgical Academy, 1818, pt. 1, 456 pp. (In Russian).
- Golomzik A., *Rodonit* [Rhodonite]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1983, 168 pp. (In Russian).
- Gura A. V., *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik, 1997, 912 pp. (In Russian).
- Krivosheeva N., *Iz istorii izvestkovogo proizvodstva v Kovrovskom uezde* [On the History of Lime Production in Kovrov Uezd]. <<https://pandia.ru/text/77/193/32241.php>>. (In Russian).
- Makeeva I. I., 'Mineralogicheskie svedeniya v russkikh pamyatnikakh XVI–XVII vv.' [Mineralogical Data in Russian Monuments of the 16th–17th Centuries]. Simonov R. A. (ed.), *Estestvennonauchnyye predstavleniya Drevney Rusi* [Natural Science Ideas of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 141–150. (In Russian).
- Petrov V. P., *Rasskazy o podelochnom kamne* [Stories about Ornamental Stone]. Moscow: Nauka, 1982, 104 pp. (In Russian).
- Rodionov A. M., *Na krylyakh remesla: Povestvovatel'naya khronika kamnereznoogo dela na Altae s 1786 g. i do nashikh dney* [On the Wings of Craft: a Narrative Chronicle of Stone-Cutting in the Altai from 1786 to the Present Day]. Moscow: Sovremennik, 1988, 278 pp. (In Russian).
- Severgin V. M., *Podrobnyy slovar mineralogicheskiiy, sodержashchiiy v sebe podrobnnoye izyasheniye vseh v mineralogiiy upotrebitelnykh slov i nazvaniy, takzhe vse v nauke sey uchinnnyye noveyshie otkrytiya* [A Detailed Mineralogical Dictionary Containing a Detailed Explanation of All Common Words and Names in Mineralogy, as Well as All the Latest Discoveries Made in Science]: In 2 vols. St Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1807. (In Russian).
- Severgin V. M., *Pervye osnovaniya mineralogii ili estestvennoy istorii iskopaemykh tel* [The First Foundations of Mineralogy or the Natural History of Fossil Bodies]: In 2 books. St Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1798. (In Russian).

- Talantsev A. S., *Znamenitye uralskie samotsvety* [Famous Ural Gemstones]. Yekaterinburg: PAKRUS Publishing house, 2000, 165 pp. (In Russian).
- Valkh I., *Valkha kamennoe tsarstvo* [Stone Kingdom of Valkh]. St Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1784, 146 pp. (In Russian).
- Yurchenko A. G., *Kniga kamney. Chudesa mira v vostochnykh kosmografiyakh* [Book of Stones. Wonders of the World in Eastern Cosmographies]. St Petersburg: Eurasia, 2007, 240 pp. (In Russian).